

О ВСКРЫТИЯХ В ВАРШАВСКОЙ ЕВРЕЙСКОЙ БОЛЬНИЦЕ В НАЧАЛЕ XX В.: СКАНДАЛ В ЕВРЕЙСКОЙ ПРЕССЕ

Лейдерман Ася Леонидовна

Европейский университет в Санкт-Петербурге, Факультет
истории, выпускница

Факультет истории Европейского университета

в Санкт-Петербурге, 191187, Санкт-Петербург, Гагаринская ул.
д. 6/1

ORCID: 0009-0005-4357-2337

E-mail: leiderman.asya@yandex.ru

Аннотация: В данной статье рассматривается проблема проведения вскрытий (и шире — обращения с трупами) в Варшавской еврейской больнице в начале XX в., активно обсуждающаяся на страницах ежедневной прессы на идише. Согласно многочисленным сообщениям, в Еврейской больнице на постоянной основе нарушались нормы религиозного погребения. Между тем именно обеспечение кошерного погребения было одной из ключевых обязанностей еврейской больницы. Вероятно, огласка в прессе помогла добиться запрета несогласованных вскрытий на официальном уровне. Данная проблема была лишь частью целого комплекса факторов, вызывавших недовольство еврейской читательской аудитории Варшавы работой Еврейской больницы. Первопричиной же недовольства являлся переход Еврейской больницы из общинного ведения в муниципальное, произошедший в 1907 г. Негативное отношение к муниципализации общинного института показывает неготовность варшавского еврейства к модернизации и стандартизации городской жизни.

Ключевые слова: варшавские евреи, еврейская больница, вскрытия, еврейские похороны, хевра-кадиша, пресса на идише.

DOI: 10.62620/3034-4999.2026.3.1.003

Для цитирования: Лейдерман А. О вскрытиях в Варшавской еврейской больнице в начале XX в.: скандал в еврейской прессе // Newish. Молодежный журнал по истории и культуре евреев. 2026. № 3. С. 18–33.

Статья поступила: 02.09.2025. *Принята к публикации:* 23.10.2025.

ON AUTOPSIES AT THE WARSAW JEWISH HOSPITAL AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY: THE SCANDAL AT THE JEWISH HOSPITAL

Leiderman Asia

European University at St. Petersburg, Faculty of History, graduate
Faculty of History, European University at St. Petersburg,
Gagarinskaya St., 6/1, St. Petersburg, 191187.

ORCID: 0009-0005-4357-2337

E-mail: leiderman.asya@yandex.ru

Abstract: This article examines the problem of autopsies (and more broadly, the treatment of corpses) at the Warsaw Jewish Hospital at the beginning of the XXth century, which was actively discussed on the pages of the Yiddish daily press. According to numerous reports, religious burial regulations were constantly violated at the Jewish Hospital. Meanwhile, providing a kosher burial was one of the key responsibilities of the Jewish hospital. Probably, the publicity in the press helped to achieve a ban on uncoordinated autopsies at the official level. This problem was only part of a complex of factors that caused dissatisfaction among Warsaw's Jewish readership with the work of the Jewish Hospital. The root cause of the discontent was the transfer of the Jewish Hospital from communal to municipal management, which occurred in 1907. The negative attitude towards the municipalization of the community institute shows the unpreparedness of Warsaw Jewry for the modernization and standardization of urban life.

Key words: Warsaw Jews, Jewish hospital, autopsies, Jewish funeral, khevre-kadishe, Yiddish press.

DOI: 10.62620/3034-4999.2026.3.1.003

To cite: Leiderman, A. On autopsies at the Warsaw Jewish Hospital at the beginning of the 20th century: the scandal at the Jewish hospital. *Newish. Young Scholars Journal of Jewish History and Culture*. 2026. 3. P. 18–33.

Received: 02.09.2025. *Accepted:* 23.10.2025.

К началу XX в. варшавское еврейство представляло собой самую крупную еврейскую общину в Европе. К 1914 г. в Варшаве насчитывалось около 275 тыс. евреев, что составляло 36–38% всех жителей Варшавы [Scott 2012, 15]. Вторая половина XIX — начало XX в. — время стремительной социальной модернизации еврейского населения в Российской империи. Если раньше еврейская община фактически представляла собой отдельную корпорацию в средневековом смысле этого слова, обособленную от окружающего мира изнутри и извне, то начиная с середины XIX в. традиционный уклад жизни начинает постепенно разрушаться. Еврейская больница (ее предшественник *хекдеш* — богадельня) — один из неотъемлемых общинных институтов — претерпевала те же изменения, что и сама еврейская община. Учреждение, предназначенное для беднейших слоев еврейского общества, начало превращаться в современный госпиталь, доступный, в том числе для неевреев. Изучение трансформации традиционных общинных институтов предлагает дополнительную оптику для понимания процессов еврейской модернизации в целом. Варшавская еврейская больница¹ — один из наиболее ярких примеров подобной трансформации.

Еврейская больница была открыта в 1799 г., после чего неоднократно переезжала. В 1887 г. было решено построить новое здание: санитарное состояние старого госпиталя на ул. Покорна было признано неудовлетворительным, а число больничных коек — недостаточным. Выбор места для постройки занял три года в связи со сложностью поисков подходящей локации и бюрократическими препонами. Участок необходимого размера был найден лишь на окраине города, в районе ул. Чисте [Nowy Szpital 1909, 41–46]. В 1902 г. после окончания длительного и дорогостоящего

¹ Несмотря на то что официально учреждение называлось Больницей Старозаконных («Старый Закон» — Ветхий Завет), а после 1918 г. — Больницей на ул. Чисте, я буду придерживаться названия «Еврейская больница», поскольку именно так называли больницу современники: это название фигурирует в еврейской и польской прессе, а также регулярно проскальзывает в официальных документах магистрата наряду с официальным названием. Сам факт массового употребления этого «смыслового» названия больницы, указывающего на ее недавнюю принадлежность еврейской общине, говорит о том, что осмысление муниципализации Еврейской больницы заняло довольно продолжительное время.

строительства состоялось официальное открытие нового комплекса Еврейской больницы на ул. Чисте, окончательно же работы были завершены к 1904 г. Здание изначально было задумано как современный европейский госпиталь, соответствующий всем новейшим санитарным стандартам [Nowy Szpital 1909, 39]. В 1907 г. Еврейская больница была одной из немногих больниц Варшавы, чье состояние городской комиссией было признано хорошим и не требующим капитального ремонта [Księga pamiątkowa 1911, 208].

В 1907–1914 гг. Еврейская больница, представляющая собой комплекс из 17 зданий, была одной из самых крупных и современных больниц Варшавы и Привислинского края, в которой работали известные врачи. После муниципализации лечебных заведений города Еврейская больница стала одной из главных варшавских больниц, на развитие которой выделялись большие суммы из городского бюджета. Еврейская больница также была одной из двух больниц города, где существовало психиатрическое отделение. С финансовой точки зрения переход в ведение городской системы здравоохранения, безусловно, пошел ей на пользу: еврейская община Варшавы не справлялась с поддержанием работы столь крупной организации, о чем говорят впечатляющие долги [Księga pamiątkowa 1911, 2011].

* * *

Варшава начала XX в. — это быстрорастущий и густонаселенный мегаполис. В период 1882–1914 гг. население города удвоилось, при этом процент прироста еврейского населения был выше, чем польского (163% против 118%); в некоторых еврейских районах население утроилось [Corrsin 1989, 24]. Существенный рост и польского, и еврейского населения произошел за счет внутренней миграции из губерний Привислинского края, в основном Варшавской. Кроме того, еврейское население увеличилось за счет миграции евреев-литваков из губерний Северо-Западного края в 1880–1890-е гг. В результате этого в начале XX в. около половины жителей Варшавы не были ее уроженцами [Corrsin 1989, 23]. Резкое увеличение городского населения породило множество проблем, одна из которых — санитарная. Плотность населения в небольшой по площади Варшаве была в четыре раза выше, чем в Санкт-Петербурге [Corrsin 1989, 13]. Если в 1868 г. только 7% го-

родских зданий имели четыре и более этажей, то к 1914 г. их число достигло 60% [Bauer 2021, 183].

Городская система здравоохранения не отвечала потребностям быстро возросшего населения и остро нуждалась в реформировании, провести которое без участия городского управления было невозможно. С целью развития больничного дела в 1907 г. все больницы Варшавы были переданы в городское управление. Городские власти объясняли это решение тем, что медицинские учреждения самостоятельно не справлялись с обеспечением надлежащей помощи стремительно растущему населению города: густонаселенная столица Привислинского края нуждалась в единой сети институтов здравоохранения. С 1907 г. варшавский магистрат взял на себя обязанности по финансированию городских больниц, предоставив тем самым возможность пользоваться ими всем, кто платит больничный налог в городской бюджет. Еврейская больница перестала принадлежать еврейской общине, открыв свои двери для пациентов всех национальностей и вероисповеданий, официально зарегистрированных в Варшаве. Несмотря на то что это решение фактически пошло Еврейской больнице во благо, и она получила доступ к значительно большим ресурсам, нежели те, которые могла обеспечить еврейская община, реакция еврейского населения была преимущественно негативной. Утрата традиционного общинного института воспринималась варшавскими евреями крайне болезненно.

Восприятию муниципализации Еврейской больницы в варшавской ежедневной прессе (еврейской и польской) посвящена моя магистерская диссертация. Данная статья является переработкой одного из описываемых в ней сюжетов. Мое исследование можно отнести к жанру микроистории — рассмотрению большого через малое. Я рассматриваю Еврейскую больницу как зеркало, в котором отражались перемены, происходившие в еврейском и польском обществе. Еврейская больница в качестве одного из городских медицинских учреждений, которым так или иначе были вынуждены пользоваться большинство варшавян, была местом совместной работы и вынужденного проживания людей разных религиозных и политических убеждений. Особенностью микроисторического исследования является необходимость «слышать» голоса акторов. Обращение к газетам, куда читатели, в том числе пациенты и врачи Еврейской больницы,

постоянно присылали письма, дает нам такую возможность. Данное исследование предполагает междисциплинарный подход с привлечением методов исторической антропологии (в первую очередь взгляд изнутри еврейского сообщества). Я рассматриваю газеты, мои основные источники, как целостный текст, т.е. анализирую не только информацию, но и совокупность авторского стиля и языка, выбор шрифта, рисунки, расположение статьи в номере и пр. Работа с прессой также предполагает использование методов дискурсивного анализа, т.е. попытку увидеть взаимосвязь между текстом и общественно-политическим и культурным контекстом, в котором он был написан.

Источником для «еврейской» части моего магистерского исследования стал корпус из трех ключевых ежедневных газет на идише — «Хайнт» (1908–1939), «Дер Момент» (1910–1939) и «Дер Фрайнд» (1903–1913) — за 1907–1914 гг. Данные издания имели наибольший тираж и территорию распространения и оказывали значительное влияние на жизнь еврейской общины. Все три газеты содержали рубрики о жизни города, в которых публиковались заметки о Еврейской больнице.

Варшава с 1905 г. среди прочего являлась крупнейшим центром еврейской прессы и книгопечатания в Российской империи. Расцвет еврейской периодики, случившийся после снятия запрета на печать на идише, который действовал до этого², характеризовался стремительным ростом числа изданий и их тиражей. Многие из открывшихся сразу после снятия запрета изданий просуществовали недолго, тем не менее это время бесспорно можно назвать переломным для всего еврейского населения Российской империи. Для историков пресса на идише является уникальным источником об истории российского еврейства.

Муниципализация Варшавской еврейской больницы совпала с расцветом прессы на идише. Возникновение ежедневной прессы на идише сыграло значительную роль в формировании национальной идентичности и политической мобилизации [Nalewajko-Kulikov 2016]. Благодаря этому нам оказались доступны многочисленные отклики на работу больницы — пошла ли муниципализация во благо больнице и евреям.

² Исключения из запрета на газеты на идише были единичны. Самый известный пример — газета «Дер Фрайнд» [Френкель 2011].

* * *

Одним из ключевых факторов недовольства Еврейской больницы после муниципализации, упомянутых в еврейской прессе, является не столько обращение с живыми пациентами, сколько с мертвыми. Напомню, что погребение умершего согласно еврейскому религиозному закону, наряду с обеспечением пациентов кошерным питанием, является одной из ключевых инфраструктурных задач Еврейской больницы. Еврейский закон предписывает похоронить умершего как можно скорее³, сохранив его тело целостным⁴, из чего следует запрет на кремацию, вскрытие и иные манипуляции с телом покойного. Многочисленные жалобы из газет свидетельствуют о регулярном нарушении всех правил еврейского погребения в Еврейской больнице.

Примечательно, что в области похорон в Еврейской больнице существовало как минимум два актора — больничная похоронная служба, сотрудники которой преимущественно были неевреями, и погребальные братства. Об их «противостоянии» свидетельствуют многочисленные публикации. Так, в заметке в газете «Дер Фрайнд» о пятилетней девочке, которую насмерть задавил трамвай, сообщается, что *«руководство больницы не сочло нужным похоронить девочку или хотя бы сообщить хевре “Хесед шель Эмес” [«Истинное милосердие». — А.Л.], которая бы точно позаботилась об этом. Мертвый ребенок лежит уже 8-й день и непонятно, когда будут похороны»* [Der Fraynd 1911, 3]. В более экспрессивной заметке «Хайнт», посвященной этому же случаю, отмечается, что Еврейская больница оказывает противодействие работе погребального братства: *«Удивительно и непонятно, почему Еврейская больница не решается позволить хевре “Хесед шель Эмес” провести похороны, в то время как другие нееврейские больницы, когда умирает еврей, немедленно сообщают этой хевре, что его надо похоронить. Еврейская больница сама не хоронит и другим не дает»* [Haunt 1911b, 3].

Халатность погребальной службы Еврейской больницы, противопоставленная ответственности членов хевры «Хесед шель Эмес» — расхожий сюжет в заметках о больничных похоронах.

³ Иудаизм предписывает хоронить покойного в день его смерти (Втор 21:23), если этот день не выпадает на субботу или праздники.

⁴ Это предписание выводят из стиха «Прах ты и в прах превратишься» (Быт 3:19).

Приведу еще один пример: «Сколько мертвых в Еврейской больнице. У нас из уважения к умершему есть обычай не задерживать похороны. В больших городах официально это нужно делать максимум через 3 дня. Но [...] тела тех, кто умер в Еврейской больнице, переносят в морг, и, непогребенные, они лежат там целую неделю, если не помогает кто-то со стороны. Такой грустный факт произошел не далее, как вчера. Скорая помощь привезла 51-летнего мужчину почти в бессознательном состоянии. Больной назвал свою фамилию и через несколько часов умер. И хотя в больнице знали его имя и адрес, он пролежал 8 дней в морге. И если бы об этом случайно не узнала “Хесед шель Эмес”, то его бы до сих пор не похоронили. Оказалось, что у него в Варшаве есть родственники, куплен участок на кладбище и заказано надгробие» [Haunt 1910в, 5]. Возможно, многочисленные упоминания хорошей работы «Хесед шель Эмес» в противовес безответственности сотрудников Еврейской больницы были своего рода «рекламной кампанией» хевры и призывом жертвовать на ее деятельность.

Впрочем, иногда похороны в Еврейской больнице проходили, наоборот, слишком быстро, и родственники не могли проститься с телом покойного. Так, женщина пришла навестить лежавшего в Еврейской больнице мужа, но ей отказали, сказав, что больной отдыхает и его не следует беспокоить. На следующий день «частное лицо» сообщило женщине, что ее муж мертв. Она пришла в больничное управление просить, чтобы ей разрешили похоронить мужа на Варшавском еврейском кладбище, на что ей ответили, что мужчину день назад похоронили на Пражском кладбище. Вдова написала жалобу в управление еврейской общины, что ей не разрешили попрощаться с телом мужа [Haunt 1909, 3].

Еще более острой, чем отложенное погребение, была проблема проведения вскрытий, что было важным инфоповодом для газет на идише. Регулярно встречаются такие сообщения: «В Еврейской больнице позавчера в 7-м отделении умер некто Ицхок-Меер Юхтман. Его жена попросила врача не вскрывать тело. Он пообещал, но, к своему удивлению, наутро, когда его выносили из морга, она обнаружила, что тело вскрыли» [Haunt 1910б, 3]. Или: «В прошлый четверг в Еврейскую больницу поступил больной Пейсах Зильберштейн, которого его знакомый Горин привез специально из Волынской губернии. Зильберштейн умер в ночь с четверга на пятницу. Горин об этом узнал и захотел похоронить. В больнице ему сказали, что об этом позабо-

тятся без него. Вчера Горин пришел, и ему сказали, что тело уже пять дней лежит без похорон. И кроме того, при осмотре тела он увидел, что ему провели вскрытие, не спросив согласия» [Der Fraynd 1910б, 3].

Вмешательство родственников помогало далеко не всегда. Так, некий Борух Шлемович подал жалобу в прокуратуру за то, что его и его друга Зелига Арбайтмана «страшно избили» при попытке остановить вскрытие родственника. Жалобу подписал врач Еврейской больницы Бергман, зафиксировавший следы побоев [Haynt 1912б, 5].

Еще одно вскрытие, проведенное без разрешения, повлекло за собой скандал в прессе — серию публикаций и писем в редакцию. Поводом для резонансного скандала стала жалоба вдовы г-на Гольдштейна на вскрытие, проведенное доктором Цунгом без ее согласия и против воли покойного. В полемику вокруг жалобы вдовы Гольдштейн включились как друзья покойного, так и врачи и представители Еврейской больницы [Haynt 1908б, 2; Haynt 1908в, 3]. С небольшими сокращениями приведу здесь письмо общественного деятеля Х. Фарбштейна, который решил публично поддержать вдову Гольдштейн и провел собственное «расследование» обстоятельств вскрытия [Haynt 1908б, 2]:

«Мне действительно неприятно и больно очернять честь важной еврейской институции, однако это придется сделать. Правда должна быть сказана. Я постараюсь насколько возможно воздерживаться от высказывания своих частных взглядов и буду объективно передавать то, что я видел и слышал:

В полвосьмого утра ко мне пришли несколько знакомых евреев и попросили меня проконтролировать, чтобы покойному Гольдштейну, которого я знал как достойного и ученого человека, не проводили вскрытие. И поскольку покойный лежал в отделении доктора Визеля, я вместе с Мойше Штайнфельдом обратился к семье Визеля с просьбой повлиять на доктора, чтобы он не проводил вскрытие, и в нашем присутствии родственница позвонила ему и получила ответ, что, если полиция не заставит, он не будет его проводить. Однако этот неясный ответ нас не удовлетворил, и я позвонил по телефону одному из своих знакомых врачей в Еврейской больнице, чтобы посоветоваться. Он посоветовал мне, чтобы мы с многоуважаемым раввином Авромом-Цви Перлмутером обратились напрямую к главному врачу Еврейской больницы, доктору Швейцеру. Мы тут же поехали к Перлмутеру, затем поехали с ним в больницу. Однако Швейцер, с которым мы созванивались, к сожалению,

известил нас о том, что мы приехали слишком поздно, и вскрытие было назначено еще вчера и уже проведено.

Я был поражен этим фактом и решил ждать доктора Визеля, чтобы тот объяснил ситуацию. Я спросил, знал ли он, когда с ним говорила его родственница, что операция уже прошла? Оказывается, не знал. На мой вопрос, когда Гольдштейн умер, он ответил, что в час ночи. На мой вопрос, если он умер в час ночи, то почему еще вчера было назначено вскрытие, как мне сказал Швейцер. Возможно ли это, если человек еще жив? Да, ответил он: “Мы еще вчера решили, что нужно провести вскрытие, как только больной умрет”. “Почему вы решили вскрывать именно этого человека, почему вы еще при его жизни позаботились о вскрытии?” “Потому что к предыдущей болезни внезапно добавилась новая, и поэтому мы должны были выяснить причину: **вдруг вахтер избил пациента и это вызвало болезнь**”. [Выделено в оригинале. — А.Л.]

Я поблагодарил доктора Визеля за ответы и в раздумьях вышел из больницы.

В следующем номере «Хайнт» было опубликовано продолжение «расследования» Фарбштейна. Он пошел в городской магистрат, где встретил «одного из высокопоставленных деятелей одной из христианских больниц», которому задал несколько вопросов о вскрытиях, не рассказывая о скандале в Еврейской больнице [Naunt 1908в, 3]:

«1. Имеет ли право больница не выдавать тело больного (не инфекционного) родственникам, если они этого хотят? — Нет.

2. Имеет ли право больница проводить вскрытие, не спрашивая родственников, которые привезли его в больницу и платили по 30 руб. в месяц за его содержание и которые не хотят вскрытия? — Да, больница имеет право, так как всегда можно сказать, что это нужно для научных исследований. Однако, помимо формального закона, существует моральный долг, который не позволяет провести вскрытие без разрешения родственников, особенно если человек лежал в больнице не на деньги общины, а за собственный счет

3. Как ваша христианская больница относится к еврейским покойникам? — Как только становится понятно, что больной умрет, семья обычно забирает его домой. И мы никогда этому не мешаем. Во-первых, так как придерживаемся своего рода “морального кодекса”. Во-вторых, **так как в высшей степени уважаем религиозные чувства евреев**. [Выделено в оригинале. — А.Л.]

4. Случалось ли у вас, чтобы назначали вскрытие, когда больной еще жив? — Нет, это абсолютно невозможно, так как бесчеловечно.

5. Бывало ли у вас такое, что служба или вахтер избил больного или повредил ему? — Что вам такое приходит в голову? Как можно было додуматься до такого бреда?

Ответы христианского врача кажутся вполне исчерпывающими, и дальнейшие расспросы показались мне излишними. А доктор Цунг в своем ответе вдове и «Хайнту» сказал, что в отношении вскрытий ни о чем не будет говорить «“потому что вскрытия еще долго будут объектом споров между обществом и врачами”. И к этому я хочу еще вот что добавить.

В Еврейской больнице лежит до 90% больных евреев-ортодоксов, так как они боятся лечь в христианские больницы, потому что им после смерти проведут вскрытие, и уверены, что в Еврейской больнице на этот случай они защищены. [...]».

К сожалению, в рамках данной статьи не представляется возможным проверить, действительно ли «религиозные чувства евреев» в области похорон парадоксальным образом больше учитывались в христианских больницах, нежели в Еврейской. Однако сам факт упоминания подобного явления, рассчитанный на широкую аудиторию, многое говорит об остроте проблемы вскрытий в Еврейской больнице. Для религиозных евреев обращение в Еврейскую больницу было гарантией если не излечения, то хотя бы кошерного завершения жизненного пути. Скандал вокруг вскрытий в Еврейской больнице не мог не пошатнуть хрупкого доверия этой прослойки населения к госпитализации.

Друзья умершего Гольдштейна, Маркусфельд и Щупак, в опубликованном в том же номере «Хайнта» письме [Haunt 1908в, 3], также упоминают крайне жестокое обращение доктора Цунга с больным: «Мы можем свидетельствовать, что когда мы были у него перед праздником Рош а-Шана, он был заперт в палате, и когда мы вошли, он начал плакать и говорить: “Люди добрые, сжальтесь надо мной, я лежу в жару, и никто не даст мне даже попить. Я прошу вас, спасите меня и принесите воды”. [...] Мы принесли ему кефир, содовую воду, сок и несколько виноградин. Больной хотел расцеловать нам руки и в слезах сказал: “Пресвятой, благословен Он, вам оплатит добром, вы принесли мне радость».

В этих двух письмах примечателен способ оплаты лечения Гольдштейна в больнице. Друзья Гольдштейна обосновывают свою

заинтересованность в его судьбе не только дружбой, но и тем, что они выступали гарантами оплаты его лечения в больнице. В упомянутом выше письме Фарбштейна во втором пункте идет речь о том, что воля больных и его родственников имеет больше шансов повлиять на «моральный долг» врачей, если оплата лечения производится за собственный счет.

С проблемой проведения вскрытий в Еврейской больнице пытались бороться официально. Так, в заметке, опубликованной в газете «Дер Фрайнд» [Der Fraynd 1910a, 3], сообщается о том, что несколько месяцев назад некий общественный деятель Мойше Вантик⁵ обратился к нескольким варшавским раввинам с просьбой ходатайствовать о прекращении вскрытий. Раввины обратились к представителю Еврейской больницы Вайсблату, который собрал совещание врачей по этому вопросу. На совещании большинством голосов против четырех поддержали запрет вскрытий, однако практического эффекта это не имело. Тогда упомянутый выше Мойше Вантик попросил походатайствовать об этом своего знакомого религиозного деятеля в Петербурге. Это сработало, и врачи Еврейской больницы получили из Петербурга указание не вскрывать тела умерших евреев, кроме как в чрезвычайных случаях.

Эта история демонстрирует нам установленную в системе российского здравоохранения вертикаль власти. Сами врачи больницы, хотя и были согласны на запрет вскрытий, не могли установить его у себя в больнице. Вантик был вынужден, минуя варшавский магистрат, обратиться сразу в Санкт-Петербург. Век массовой еврейской прессы раскрывает читателям последовательность действий Вантика, называя все имена участников истории⁶.

Судя по всему, проблема вскрытий стояла остро не только в Еврейской больнице. Тенденция на запрет вскрытий без разрешения родственников существовала во всех больницах Варшавы. Например, Медицинский совет Варшавы получил одобрение МВД на то, чтобы вскрытия в больницах проводились только с согласия родственников. Варшавские врачи, которым это распоряжение

⁵ Информации о нем найти не удалось.

⁶ Я не указываю их в этом тексте, поскольку у меня не получилось найти информацию ни об одном из упоминаемых деятелей. Так что, к сожалению, верификация этой истории не представляется возможной.

мешало в работе, обратились в магистрат с просьбой его отменить, однако магистрат Варшавы отказал [Haynt 1910a, 5]. Вероятно, принятию запрета способствовала огласка в прессе.

После принятия запрета на вскрытие без согласия семьи осенью 1910 г. в прессе на идише упоминаются только единичные случаи вскрытий без разрешения родственников, при наличии большого числа подобных публикаций ранее. Опубликованные в «Хайнте» статистические сведения о проведенных вскрытиях через год после запрета говорят о том, что из 122 проведенных в Еврейской больнице вскрытий за год, 106 прошли с разрешения родственников [Haynt 1911a, 1]. В сочетании с «молчанием» прессы по этому поводу можно с большой степенью вероятности сказать, что ситуация с проведением вскрытий без согласия семьи умершего, несомненно, улучшилась.

Через год ситуация изменилась еще более радикально. Если раньше пресса изображала врачей Еврейской больницы «охотниками за еврейскими трупами», то в заметке «Можно ли заполучить еврейские трупы?», опубликованной в «Хайнте» [Haynt. 1912a, 3], дается уверенный ответ «нет»: *«Как известно, при каждом университете есть клиника и тела тех, кто умер в клинике, потом передаются в университет в учебных целях. Но этого числа недостаточно и “товар” привозят в университет и из других больниц. На днях для этой цели директор Высших женских курсов при Варшавском университете обратился к Еврейской больнице с вопросом, можно ли получить трупы для учебных целей. Управление больницы ответило, что у евреев вскрытие — это преступление, поэтому больница не может предоставить трупы. Спасибо Еврейской больнице за это!»*

* * *

Таким образом, еврейская пресса фиксирует значительное недовольство своих читателей работой Еврейской больницы. Пожалуй, наибольшей остроты это недовольство достигло именно в сфере погребения. Коренная же причина недовольства еврейского населения заключалась в том, что Еврейская больница перестала быть общинным учреждением, что воспринималось весьма болезненно. Это выражалось в том числе в противопоставлении больницы традиционным общинным братствам — хеврот. На страницах еврейской прессы именно члены благо-

творительных братств предстают силой, которая подлинно заботится о еврейских больных, тогда как сотрудники больницы относятся к своим обязанностям халатно и зачастую ведут себя с пациентами агрессивно. Слово «Еврейская» в названии больницы нередко берется авторами критических статей в кавычки, что показывает сомнение в том, осталась ли больница действительно еврейской [Haynt 1908a, 1].

Несмотря на постепенное разрушение традиционного уклада жизни, априори происходившее в многонациональной Варшаве, для подавляющего большинства варшавских евреев потеря традиционного общинного института была колоссальной утратой, заметно сказывавшейся на их повседневной жизни. Муниципализация варшавских больниц (включая Еврейскую) была неизбежным шагом в рамках процесса модернизации и стандартизации городской жизни: для развития современного мегаполиса была необходима единая сеть муниципальных больниц. Большая часть варшавских евреев, по-видимому, не была готова и не хотела глубинных изменений общинной структуры, навязанных извне.

Источники

Der Fraynd. 1908–1913.

Der Fraynd 1911 — Der Fraynd. 1911. No 296 (11.01).

Der Fraynd 1910a — Der Fraynd. 1910. No 189 (29.08).

Der Fraynd 1910б — Der Fraynd. 1910. No 278 (21.12).

Der Moment. 18.11.1910 — 31.08.1914.

Haynt. 1908–1914.

Haynt 1908a — Haynt. 1908. No 198 (14.09).

Haynt 1908б — Haynt. 1908. No 253 (23.11).

Haynt 1908в — Haynt. 1908. No 254. (24.11).

Haynt 1909 — Haynt. 1909. No 261 (28.11).

Haynt 1910a — Haynt. 1910. No 247 (11.11).

Haynt 1910б — Haynt. 1910. No 259 (25.11)

Haynt 1910в — Haynt. 1910. No 289 (30.12)

Haynt 1911a — Haynt. 1911. No 293 (04.01).

Haynt 1911б — Haynt. 1911. No 299 (11.01).

Haynt. 1912a — Haynt. 1912. No 28 (14.02).

Haynt 1912b — Haynt. 1912. No 147 (09.07).

Księga pamiątkowa 1911 — Warszawa. Magistrat. Księga pamiątkowa / Magistrat miasta Warszawy (Wydział dobroczynności publicznej). 1908–1909 r. Warszawa: Druk. przy Kancelarii Warsz. generał-gubernatora, 1911.

Nowy Szpital 1909 — Nowy Szpital Starozakonnych w Warszawie. Księga pamiątkowa: Sprawozdanie komitetu budowy. Warszawa: 1909.

Литература

Френкель 2011 — Френкель А.С. Восхождение и закат «Дер Фрайнд» — первой в России ежедневной газеты на идише (1903–1914) // Архив еврейской истории. Т. 6. М., 2011.

Bauer 2021 — Bauer E. “Polishing” the Jewish Masses: Personal Hygiene, Public Health, and Jews in Fin de Siècle Warsaw // Jewish history. 2021. No 35. P. 179–203.

Corrsin 1989 — Corrsin S. Warsaw before the First World War: Poles and Jews in the third city of the Russian Empire, 1880–1914 [Варшава перед Первой мировой войной: поляки и евреи в третьем городе Российской империи]. [S. I.]: Columbia University Press, 1989. 183 p.

Nalewajko-Kulikov 2016 — Nalewajko-Kulikov J. Mówić we własnym imieniu. Prasa jidyszowa a tworzenie żydowskiej tożsamości narodowej (do 1918 roku) [Говори от своего имени: идишская пресса и формирование еврейской национальной идентичности (до 1918 года)]. Warszawa, 2016. 353 s.

Polonsky A., 2015. The Jews in Poland and Russia. Vol. 2 1881 to 1914 [Евреи в Польше и России. Том 2: 1881–1914]. Liverpool: The Littman Library of Jewish Civilization; Liverpool University Press. 509 p.

Scott 2012 — Scott U. Barricades and Banners: The Revolution of 1905 and the Transformation of Warsaw Jewry [Баррикады и баннеры: Революция 1905 года и трансформация варшавского еврейства]. Stanford: Stanford University Press, 2012. 448 p.

References

Bauer, E., 2021, “Polishing” the Jewish Masses: Personal Hygiene, Public Health, and Jews in Fin de Siècle Warsaw. *Jewish history*. 2021. No 35. 179–203.

Corrsin, S., 1989, *Warsaw before the First World War : Poles and Jews in the third city of the Russian Empire, 1880–1914*. [S. I.], Columbia University Press, 183.

Frenkel', A.S., 2011, Voskhozhdenie i zakat “Der Frajnd” — pervoj v Rossii ezhednevnoj gazety na idishe (1903–1914) [The Rise and Fall of ‘Der

Friend', Russia's First Yiddish Daily Newspaper (1903–1914)]. *Arhiv evrejskoj istorii*. Vol. 6. Moscow.

Nalewajko-Kulikov, J. *Mówić we własnym imieniu. Prasa jidyszowa a tworzenie żydowskiej tożsamości narodowej (do 1918 roku)* [польский] [Speak for Yourself: The Yiddish Press and the Creation of Jewish National Identity (until 1918)]. Warszawa, 2016. 353.

Polonsky, A., 2015, *The Jews in Poland and Russia*. Vol. 2 1881 to 1914. Liverpool: The Littman Library of Jewish Civilization; Liverpool University Press, 509.

Scott, U., 2012, *Barricades and Banners: The Revolution of 1905 and the Transformation of Warsaw Jewry*. Stanford, Stanford University Press, 448.